

“Представить картину жизни я не могу. Все передумано мной о себе. Сжимаюсь от холода в своей лачуге-избушке в пору ночную. Я стал худой, книзу расту. Земля горбит меня ежедневно, и какая же смерть ожидает меня с минуты на минуту? Зачем я существую на земле, на бугре, в избушке? Зачем я белый свет копчу? Кому я нужен?”

Эти отчаянные строки художник Иван Егорович Селиванов записал в памятной тетради в последние годы жизни. За окном стучала стужа, к холодной печке жалась кошка Алексеевна. Все в доме было ветхо, изношено, и сама жизнь казалась Ивану Егоровичу пустой и никчемной. Он еще не знал, что пройдет совсем немного времени, и из своей ветхой лачуги он переселится вначале в пансионат для пожилых людей в поселке Инской, а еще позже рядом с пансионатом специально для него и по его

Из жизни в вечность

пожеланиям будет выстроен домик, куда он вселится как полноправный хозяин. А вслед за житейской обустроенностью и благополучием придет и слава земная. В поселок Инской к Селиванову потянутся его почитатели и поклонники его таланта. Будут приходить и такие, кто захочет услышать от Ивана Егоровича редкое в те времена слово правды.

Подсказывая строителям, как строить новый дом (он, кстати, по расположению комнат почти полностью соответствовал старому, прокопьевскому), Иван Егорович не знал, что работать ему в нем не придется. В последний год жизни художник ослеп и не мог уже ни рисовать, ни писать своих проникновенных дневников. Но, возможно, ему это уже не было нужно. К концу жизни Иван Егорович, прошедший труднейший жизненный путь, накопивший великий опыт и знания, стал тем, кого на Руси издревле называли “старцами”. Он всегда был мудр народной мудростью. В старости она проявилась особо.

Новокузнецкий искусствовед Галина Степановна Иванова, руководитель салона “Художник” в городской библиотеке имени Н.В. Гоголя, одна из тех, кто хранит память об Иване Егоровиче, вспоминает, что в последний год своей жизни художник редко оставался один.

- Он считал, что не может никому отказывать во встрече. Вероятно, ему было трудно постоянно с кем-то общаться. Он любил одиночество, свободу. “Свободу почитаю превыше всего”. Но его до крайности развитые деликатность и совесть, наверное, не позволяли ему отказывать посетителям. Возможно, он думал,

что расплачивается таким образом за свой удобный и теплый дом. Но так же возможно и то, что он уже осознавал свою миссию на земле, высокое значение своей жизни. Говорил: “У меня очень много планов. А вдруг я завтра умру?”

Умирал Иван Егорович Селиванов в больнице. Угасал тихо, как костер. К нему приходили друзья, знакомые. Удивлялись глубокому спокойствию лица. Фотографировали. Уходили с ощущением прикосновения к чему-то небывалому.

Умер Иван Егорович Селиванов 1 марта 1988 года. Нынче будет 20 лет со дня его ухода. Хоронить Ивана Егоровича съехало много людей. Официальных лиц, почитателей, друзей. Это и был ответ на печальный селивановский вопрос: кому я нужен? Оказалось: многим был нужен Иван Селиванов. И как художник, и как человек, и как народный мыслитель.

Через год беловский скульптор Николай Козленко изваял памятник Ивану Егоровичу. Сделал его большим (2,5 метра высотой), значительным. Предполагалось, что встанет памятник возле дома Селиванова во дворе пансионата в поселке Инской. Но оказалось, что дом уже был занят семьей главврача пансионата, и памятник был установлен на могиле Ивана Егоровича. Такой памятник на местном кладбище один, возвышающийся среди крестов и пирамидок со звездочками. Таким же одиноким и единственным был и сам Иван Егорович Селиванов. И так же возвышался над обыденной жизнью, во что, однако, сам, пока был жив, не верил.

Владимир Валиулин.
Галина Иванова (фото).